

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Ю.М. Почта, Т.В. Оберемко

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена вопросу создания гражданского общества в условиях демократизации России после распада СССР. По мнению автора, в условиях сокращения полномочий государства и увеличения степени разнообразия необходима передача части функций политико-государственного управления структурам гражданского общества. Однако большую сложность представляет решение вопросов о границах применимости западной либерально-демократической модели гражданского общества для многонациональной и поликонфессиональной России и об участии государства в этом процессе.

Ключевые слова: гражданское общество, цивилизация, Россия, демократия, государственный суверенитет, ситуация постмодерна.

Современный мировой кризис глубоко затронул не только экономику, но и политическую и социальную сферы жизни общества. Пострадали прежде всего развитые западные страны, исповедующие либеральные демократические ценности, на которые ориентируется современное российское общество. На продолжающийся в России процесс обновления общества влияют последствия реализации неудачных проектов конца прошлого столетия и начала текущего — перестройки и гласности, шоковой терапии, создания вертикали власти для авторитарного регулирования сырьевой экономики. Из-за этого наша страна даже при скором завершении мирового кризиса выйдет из него в условиях спада экономики и неэффективной системы управления обществом и государством. Очевидна необходимость модернизации как экономики, так и системы управления. Тем более что в условиях глобализации ослабевает организующая роль государства в жизни общества, его суверенитет ограничивается в такой степени, что все чаще возникают представления о необходимости глобального управления в его различных формах, вплоть до глобального правительства.

Постиндустриальному обществу с характерным для него постмодернистским осмыслением общественной жизни присуще существенное увеличение степени

разнообразия общественной жизни (плюрализации, прежде всего культурной), что также представляет собой серьезный вызов институту государства.

В условиях ослабления влияния государства и увеличения степени разнообразия обществ приобретает особое значение роль гражданского общества, его самоорганизация.

Как справедливо полагает О. Шабров, при рассмотрении вопроса о проблеме государственного управления усложняющимся обществом неизбежно сокращение сферы ответственности государства. Это возможно двумя путями: 1) посредством уменьшения объема государственного суверенитета, что проявляется в стремлении регионов ряда стран к автономизации, федерализации и в сепаратизме; 2) путем передачи все большей части функций политико-государственного управления в сферу самоорганизации, структурам гражданского общества, которое, со своей стороны, должно быть готовым взять эти функции на себя.

Разумеется, это общие положения, но они вполне применимы с рядом оговорок и к России, в которой развитие гражданского общества оказывается на современном этапе одной из главных политических задач государства, обеспечивающей его эффективность и препятствующей деградации и распаду [21. С. 14].

При анализе вопроса о формировании гражданского общества в России очень важно учитывать существование двух подходов к этому процессу. Без их учета мы не способны понять цели, которые ставят перед собой теоретики и практики процесса самоорганизации общественной жизни [1. С. 16—19].

Первый — теоретико-методологический подход, более присущ ученым и ориентирован на выявление объективных предпосылок и условий формирования гражданского общества, раскрытие его сущностных признаков и свойств, предпосылок и соответствующее моделирование на этой основе возможного процесса движения общества от исходного состояния к желаемым качественным характеристикам. Второй — прагматично-конструктивистский подход, характерен для представителей властных структур и политтехнологов. Они воспринимают гражданское общество как актуальную политическую задачу, доступную для быстрого конструирования и институционализации в любом обществе.

Представляется, что основные свойства гражданского общества, взятые безотносительно их социальной природы и выражающие лишь его формальные внешние признаки, не могут породить реальную гражданскую жизнедеятельность в любой модели их институционализации.

Однако в ряде стран мы наблюдаем тенденцию реализовать именно данный прагматично-конструктивистский подход к гражданскому обществу, игнорируя важность первого теоретико-методологического подхода.

Такой способ действий, зачастую осуществляемый как способ контроля и подчинения одних обществ другими под предлогом их демократизации или защиты прав человека, вероятнее всего может приводить к созданию симулякра демократии и гражданского общества, а также к дискредитации самой идеи этого важного института западного либерально-демократического общества. Как пишет Самир Амин, «реально существующий глобализированный либерализм... упрощает до уровня фарса возможное внедрение на перифериях очевидных демократических политических реформ» [2. С. 41].

Прагматично-конструктивистский подход трудно анализировать из-за его обусловленности произвольными политическими решениями, обусловленными изменениями в мировой политике. Поэтому для нашего анализа более перспективно изучение первого теоретико-методологического подхода, который в российских условиях неизбежно связан с учетом влияния особенностей российской цивилизации на процессы демократизации и формирования гражданского общества.

Эта проблема не новая, обсуждение проблемы цивилизационной специфики форм общественного развития, и в частности гражданского общества, достаточно давно происходит в научной литературе. Становление гражданского общества обычно рассматривается как важный элемент укрепления демократических начал функционирования общества. Можно выделить три основных направления исследования проблемы формирования гражданского общества в России.

Первое направление ориентируется на либерально-демократическую модель, в которой предполагается, что общество состоит из индивидов, преследующих свои эгоистические цели, посредством общественного договора пришедших к согласию о создании государства, а религия относится к частной жизни граждан, являясь важным аспектом их индивидуального гражданского сознания.

Второе направление высказывает сомнение в применимости либеральной модели гражданского общества (или шире — модели западной демократии) в России и рассматривает организацию жизни общества на основе традиционных ценностей. Религия при этом чаще всего трактуется как естественная основа гражданской жизни.

Основное противоречие между представителями второго направления состоит в определении того, какие ценности можно считать традиционными для российского общества 1) христианские; 2) христианские и других религий (исламские, буддистские, иудаистские и др.); 3) евразийские; 4) светские традиции демократического управления.

Определение традиционных ценностей зависит от предварительного решения вопроса о цивилизационной специфике России на всем протяжении ее истории. Далеко не всегда ценности иных религий признаются традиционными для российского общества наряду с христианскими. Достаточно редко обращается внимание на историю длительного сосуществования христианства и других религий в России и на опыт сосуществования элементов гражданского общества, опиравшихся на ценности христианства и других религий.

Учет этого сосуществования может выливаться в предположение о том, что в политическую культуру современного российского общества могут быть интегрированы ценности христианства и других религий, вполне подходящих для формирования гражданского общества в демократической России. Разумеется, это будет дополнением к светским формам гражданского общества, использующим ценности секулярной политической культуры.

Возможно, таким способом можно будет ответить на вызов со стороны угроз, предполагаемых концепцией С. Хантингтона о возможных конфликтах цивилизаций, найти ответ на существование реальной проблемы — отсутствие единого культурного пространства из-за «религиозно-культурного пограничья» внутри Рос-

сии. Таким образом можно будет преодолеть «ценностную» отчужденность части россиян от участия в решении или обсуждении вопросов российской государственности. Это связано с необходимостью учета сосуществования в одной стране социальных (этнорелигиозных) групп, обладающих собственными ценностями, связанными с их религиозными убеждениями.

Опыт сосуществования, однако, имел место в условиях авторитарного монархического режима Российской империи при огосударствлении православной религии и ее существенном участии в регулировании целого ряда сфер общественной жизни. Советский опыт сосуществования в СССР многих этносов и религий также не может быть механически перенесен в современное российское общество. Допуская тактические компромиссы, марксистско-ленинская идеология в принципе отрицала религиозные и национальные различия, насильственно подавляя их наиболее серьезные проявления. В политической жизни советского общества ценностные различия этнической и религиозной природы не принимались во внимание.

Поэтому мы полагаем, что для современной России решение вопроса об интеграции собственного населения, принадлежащего к различным цивилизациям, к разным религиям и обладающего различающимися ценностями, связано с вопросом о ее выживании в качестве целостного государственного образования в условиях формирования демократической политической системы.

С 1991 г. идут процессы распада советского общества и становления новой постсоветской России, ориентированной на западные экономические и политические ценности. Вместе с тем происходит возрождение ряда сторон жизни общества, характерных для дореволюционного периода.

Однако это общество (Российская империя) находилось в серьезном кризисе, который был временно прерван или существенно модифицирован строительством социализма в СССР. То есть получается, что, возрождая старую Россию, мы возвращаем и ее болезни.

За последние двадцать лет произошло разрушение социальной структуры советского общества, однако сохранились или даже укрепились этнические, религиозные и клановые структуры. Как пишет об этом В.А. Ачкасов, к моменту распада Советского Союза этничность осталась единственным эффективно функционирующим институтом и потому стала движущей силой «парада суверенитетов» [3. С. 140].

Можно предположить, что в целом в современной России процессы распада пока еще доминируют над созидательными процессами. Это означает, что процессы демократизации как подвергают испытанию процессы созидания новой России, так и ускоряют процессы распада старой, пытающейся возродиться имперской России.

По нашему мнению, задача формирования гражданского общества не сможет найти своего решения до тех пор, пока новая Россия не осуществит свою самоидентификацию — является ли она восточной азиатской, евразийской или принадлежит к западной цивилизации; пока она не определится, что она из себя пред-

ставляет в национальном плане — славянское с инородцами или же многонациональное общество; в религиозном плане — православное или светское поликонфессиональное государство с равноправием отделенных от государства конфессий; в аспекте государственного устройства — унитарное государство, состоящее из губерний, или квазифедерация, состоящая из стремящихся к суверенности национальных образований.

Третье направление отвергает вообще применимость либерально-демократической концепции гражданского общества к российскому социуму из-за его принципиально неиндивидуалистского характера. Так, М. Шевченко полагает, что Россия может создать собственную модель гражданского общества, основанную на принципе широкого «общественного договора», принимающего во внимание полиэтничность и религиозно-культурную многоукладность России. Достижение общественного договора возможно, по его мнению, и на уровне религиозных общин. А государство может быть гарантом таких соглашений. В этом случае удастся избежать общественно-политической дестабилизации общества от внедрения неподходящей для него классической либеральной модели [22].

Наиболее ярким представителем этого направления является А. Дугин. Он убежден, что в России гражданского общества (в либерально-демократическом варианте) нет и не может быть, так как наше общество не европейское, а евразийское.

Он подчеркивает, что предлагаемая России концепция гражданского общества является продуктом исторического развития «западно-европейской романо-германской цивилизации, двигавшейся по совершенно иной логике». Этот путь сформировал концепцию индивидуальной ответственности гражданина как атомарной личности, лишенной этнической, религиозной, общинной идентичности и наделенной высшим правовым статусом. Это совершенно не совпадает с общинной, конфессиональной, коллективной самоидентификацией всех народов России. Неоднократные попытки российских реформаторов навязать России гражданское общество (от Петра Первого, через большевиков, и вплоть до Ельцина), вестернизируя его, приводили к катастрофическим последствиям.

Однако «коллективная идентичность, — полагает А. Дугин, — сохранялась на всей протяженности российской государственности, трансформируясь на различных этапах исторического пути, но никогда не исчезая».

На современном этапе насильственное создание гражданского общества будет означать утрату идентичности, деисторизацию и денационализацию России с последующим распадом существующей федерации. Возможно, предполагает А. Дугин, сторонники строительства «гражданского общества» и провоцируют распад России. Полной противоположностью «гражданского общества», по его убеждению, является евразийский федерализм, объединяющий политически и юридически «субъектность этносов, народностей, культурно-религиозных групп как «коллективных элементов» федерализма, но в то же время относящий все вопросы распоряжения территориями в ведение «стратегического центра» [10. С. 80—119].

В качестве примера возможного конструктивного решения проблем включения этно-религиозных групп населения в жизнь российского общества, в том числе

и посредством структур гражданского общества, можно привести идеи российского юриста-исламоведа Л.Р. Сюкияйнена.

Он предлагает использовать нравственный и политический позитивный потенциал ислама в развитии российской светской государственности и институтов гражданского общества, а также использовать мусульманское право в законодательстве ряда субъектов Российской Федерации для регулирования мирских отношений между мусульманами.

Тем самым он отказывается от распространенного представления о том, что политизация религии несвойственна традиционному российскому исламу и он должен ограничиваться, как и другие конфессии, сферой благотворительности и духовно-нравственного воспитания населения.

Л.Р. Сюкияйнен убежден, что мусульманское право способно создавать правовые рамки и служить критерием справедливости социальной и политической деятельности мусульман.

В России есть регионы, населенные преимущественно мусульманами, для которых ислам во многом служит образом жизни и формирует мировоззрение. Здесь, подчеркивает Л.Р. Сюкияйнен, светская федеральная власть вынуждена действовать в несветских условиях и должна (в идеале) для сохранения своей легитимности учитывать исламский фактор наряду с местными обычаями и традициями.

Происходящее в России возрождение ислама в основном происходит в рамках религиозной жизни. Сохраняются некоторые элементы организации общественной жизни, унаследованные из советского прошлого, наблюдается противоречие между культовым и светским аспектами ислама. Однако последний сильно отстает в своем становлении.

Сложнейшая задача, стоящая перед российским государством и обществом, состоит как раз в том, чтобы перейти от бесперспективного вытеснения ислама из политического процесса к поиску способов использования позитивного духовного и институционального потенциала ислама для развития демократического светского политического режима, укрепления государства и права, развития гражданского общества.

Л.Р. Сюкияйнен подчеркивает, что ислам не является инородным элементом российской истории и культуры, представляя собой религию и образ жизни миллионов россиян на протяжении многих столетий. Исламская цивилизация накопила огромное наследие форм социальной регуляции, в том числе политико-правовых. Среди них есть и те, что могут быть использованы современным российским государством и обществом в создании демократического общества, в том числе такие, как стремление к стабильности и умеренности, к лояльности по отношению к власти, к совещательности, к достижению компромисса в конфликтах и избежанию вреда, к консолидации общества и государства.

Чтобы разработать долгосрочную политику в отношении ислама, полагает Л.Р. Сюкияйнен, государство должно исходить из четких принципов. В частности, следует констатировать, что оно считает возрождение ислама фактором стабильного развития страны, видит в исламской культуре (в том числе политической и пра-

вой) важную составляющую часть жизни российского общества и государства. Исламские ценности не угрожают национальным интересам и безопасности России, а составляют ее потенциальное богатство [20].

Такая задача, разумеется, сложна как для России, так и для любого другого незападного государства. Ведь она предполагает сосуществование в одном обществе традиционных и современных ценностей народовластия. Она предполагает распространение современных представлений о демократии на часть населения, не имеющего опыта либеральной политической жизни, интерпретирующего политику с помощью терминов и мифов религиозной культуры, настороженно воспринимающего любые западные идеи как форму вестернизации. При этом необходимо максимальное возможное использование через деконструкцию и реконструкцию политической культуры и форм народовластия, характерных для западных цивилизаций.

В этом отношении можно согласиться с мнением О. Шаброва о том, что «возникшему с крушением унифицированного советского строя разнообразию экономических, политических, идеологических форм, помноженному на растущее этническое и конфессиональное разнообразие, должна соответствовать модель государственного управления, отвечающая особенностям многосоставного общества» [21. С. 17].

Для России, как и целого ряда западных обществ, в этом отношении весьма значима традиция этатизма.

В современной России успех создания гражданского общества иногда напрямую связывается со степенью участия государства в этом процессе. И само государство считает себя несущим основную ответственность за реализацию этой задачи, с подозрением воспринимая те институты гражданского общества, которые были созданы без его участия. В стороне остается индивид, знающий свои права, борющийся за них, вступающий в гражданские ассоциации для защиты этих прав, в том числе и от государства.

При этом представители государства могут полагать, что имеющее место интенсивное взаимодействие бизнеса и государства и есть деятельность гражданского общества. По мнению В.А. Гуторова, зачастую игнорируется тот сложный противоречивый путь, который прошло западное общество в развитии отношений государства и граждан, в том числе и в становлении представлений о собственности, прежде всего частной, как одной из основ западной цивилизации.

Это означает, что на восприятие природы гражданского общества большое влияние оказывают особенности национального самосознания. Индивиду привычнее находиться в зависимости от авторитарного государства, нежели самостоятельно вырабатывать систему гражданских взаимозависимостей и социальных связей. После ухода государства из экономической сферы те области, где ранее доминировали государственные структуры, оказались заняты иными социокультурными силами (прежде всего «теневой экономикой» и криминалом). Данные силы находятся в прямой конфронтации с конструктивными институтами гражданского общества и также препятствуют его развитию [8].

С другой стороны, будучи пока еще авторитарным, наше государство допускает существование автономных от него организаций граждан до тех пор, пока они не начинают претендовать на участие в конкуренции за политическую власть. Поэтому государство стремится всячески ограничить возможность участия граждан в политике, используя для этого весь свой ресурсный потенциал. Государство не желает выстраивать паритетные отношения с обществом, так как вмешательство институтов гражданского общества в сферу политики может изменить существующий социальный порядок.

Рыхлость современных институтов гражданского общества в России, помимо нежелания государства создавать себе сильного конкурента, имеет и еще одну причину. Любая общественная структура должна иметь некую социальную опору в лице тех или иных групп или слоев. Основой гражданского общества должны быть свободные в правовом плане и экономически независимые граждане — средний класс.

В России основой существующего общественного порядка является узкий слой населения, связанный с государственным управлением, финансовой деятельностью (как правило, спекулятивной) и сырьевыми отраслями. Только смена экономической парадигмы и появление среднего класса способны привести к возникновению полноценных (оговоримся, в либерально-демократическом смысле) институтов гражданского общества.

Можно взять в качестве примера ситуацию на Северном Кавказе, где, как полагает А. Малащенко, гражданское общество наиболее успешно представлено традиционными институтами по причине недостаточной эффективности государственных институтов и несоблюдения законов. Из-за этого возникает противоречие между сторонниками светского характера государства и сторонниками исламизации общества.

К сожалению, позиция защитников светского государства недостаточно сильна из-за неэффективности и коррумпированности светского государства, из-за его неспособности решить ключевые экономические проблемы, в том числе безработицы [14].

Если полагать государство определяющей стороной в процессе формирования гражданского общества, то можно ожидать, что государство на определенном этапе модернизации общества предложит и будет реализовывать в масштабах всей страны единую модель гражданского общества. Но, как очевидно из вышеизложенного материала, вряд ли в ближайшем будущем в России возможно существование единой модели гражданского общества, будь это западная модель глобального гражданского общества или ее единый модифицированный российский вариант.

Возможно, что одной из причин неудачи модели советского общества было стремление к унификации, благое пожелание всеми средствами нивелировать различия между народами и регионами СССР.

В этом плане интересна точка зрения Э.Д. Эмирова.

Анализируя процесс формирования гражданского общества в ряде регионов России, он делает вывод, что на специфику создания гражданского общества в Рос-

сии оказал большое влияние происходивший с начала 1990-х гг. процесс федерализации и регионализации, в процессе которого регионы стали создавать собственные модели гражданского общества на основе региональных политических субкультур.

На современном этапе на формирование гражданского общества основное негативное влияние оказывают региональные особенности механизма первоначального накопления капитала, доминирование патерналистских отношений в социальной и экономической сферах и незащищенность гражданских прав, а также такие особенности политической культуры, как доминирование «провинциалистски-подданических элементов» с незначительными элементами партиципаторности, «что объясняется коллективным образом жизни... ограниченным доступом малочисленных этносов к реальным рычагам власти в республике, жесткой политической и экономической зависимостью от центральных органов власти» [23. С. 7].

Э.Д. Эмиров не исключает возможность создания в Дагестане гражданского общества на основе религиозных ценностей и с участием религиозных общин при учете традиционно сложившихся сложных структур внутриобщинной организации. Однако создание гражданского общества в Дагестане, по его мнению, должно учитывать как нахождение этой республики в правовом пространстве светского федеративного государства, так и ориентацию на традиционно сложившиеся структуры внутриобщинной организации, в том числе религиозные.

Влияние этого сложного взаимодействия на политическую культуру состоит в том, что вплоть до настоящего времени новые демократические ценности не соединяются с существующими, а накладываются на них. В итоге происходит деформация тех и других — традиционных и либерально-демократических. Поэтому для Дагестана, как и для России в целом, характерно сосуществование всех основных форм политического участия: патриархального, подданического и активистского [23. С. 18—19]. По мнению В.А. Ачкасова, «сама неукорененность идеи либерализма и принципов «гражданственности» в российской почве при почти полном отсутствии «социального капитала» создает благоприятные условия для «замещения» формальных демократических институтов традиционными неформальными «правилами игры», препятствуя формированию эффективных структур гражданского общества и нации-согражданства» [3. С. 143].

Демократия как власть народа может сыграть свою роль в становлении гражданского общества в современной России, когда волеизъявление населения различных регионов будет способствовать созданию целого ряда моделей гражданского общества, учитывающих как общероссийские, так и региональные гражданские ценности (в религиозной или секулярной форме), традиции народовластия, уровень гражданской активности и экономического развития. В этом случае можно было бы избежать бюрократического способа создания унифицированного гражданского общества прагматически-конструктивистскими усилиями в основном государственных органов и обеспечить успешное руководство обществом в условиях утраты государством части своих традиционных полномочий в контексте глобализирующегося мира.

Используя постмодернистскую методологию, мы полагаем, что актуальной задачей отечественного обществоведения является пересмотр европоцентристского восприятия истории российского общества (цивилизации) посредством его деконструкции. Следует заняться поиском альтернативных ему позитивных нарративов, признающих идентичность как российской, так и других цивилизаций. Постмодернистское мышление может способствовать возвращению уважения к представлениям об уникальности различных народов и культур с их религиозными традициями, с присущими им формами самоорганизации населения, в том числе досекулярных.

В настоящее время существуют две крайности в западном историческом нарративе, представляющиеся неконструктивными для незападных обществ, которые хотели бы избежать политической и культурной глобализации в форме насильственных форм демократизации их обществ. Первая история о «конце истории», предложенная Ф. Фукуямой, предполагает, что после окончания холодной войны неизбежна экспансия западных либеральных ценностей во всем мире. Вторая, согласно представлениям С. Хантингтона, предполагает, что окончание холодной войны может привести к конфликту цивилизаций. Обе истории имеют модернистское происхождение. Как безудержный оптимизм первой, так и обоснованный пессимизм второй концепции основываются на вере в то, что в мире должен победить западный культурный универсализм. Если же это не случится, то произойдет катастрофа — кризис цивилизации вообще.

Очевидно, что на языке модернизма анализировать современный мир уже невозможно, так как любая попытка такого анализа приводит к фаталистическим выводам в духе раннего творчества таких философов истории, как О. Шпенглер и А. Тойнби. В духе постмодерна исторический нарратив западной цивилизации, доминировавший над историями других цивилизаций последние три столетия, необходимо пересказать.

Если эта задача не будет решена, то есть если мы не сможем изменить наши господствующие пессимистические нарративы об истории российской цивилизации, тогда мы должны будем признать справедливость предположений С. Хантингтона о будущих столкновениях цивилизаций. Необходимо признать, что в мире есть несколько центров, каждый со своим нарративом о собственной роли в истории человечества. Российский нарратив (органически включающий все периоды российской истории) должен занять достойное место в этом всемирном собрании историй, позволяющих сохранить идентичность каждой цивилизации и способствовать становлению в них базирующихся на собственных культурных ценностях форм народовластия и институтов гражданского общества, находящихся собственные способы согласования ценностей индивидуальной свободы и социального равенства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алдаганов М.М.* Основные предпосылки формирования гражданского общества в современной России // *Образование и гражданское общество* (материалы круглого стола 15 ноября 2002 г.). Серия «Непрерывное гуманитарное образование (научные исследования)». — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. — Вып. 1.

- [2] *Амин С.* Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. — М.: Изд-во «Европа», 2007.
- [3] *Ачкасов В.А.* Политическая нация и гражданское общество в современной России // В поисках гражданского общества. — Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2008.
- [4] *Волков В.* Трансформация российского государства после 2000 года. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2009/04/02/estado.html>
- [5] *Гаджиев К.С.* Вестернизация или особый путь модернизации? // Политические исследования. — 2008. — № 4.
- [6] *Градировский С.* Культурное пограничье: русский ислам (2003). URL: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a258.htm>
- [7] Гражданское общество в горных регионах Центральной Азии: трудности становления. URL: <http://infoshos.ru/?idn=2265>
- [8] *Гуторов В.А.* Гражданское общество: классическая традиция и современная Россия. URL: <http://great-sam.chat.ru/gutorov.doc>
- [9] *Дугин А.* Десакрализация: политическое в новое время // Главная тема. — Февраль—март 2005.
- [10] *Дугин А.* Проект «гражданское общество» как угроза российской самобытности (по материалам интервью «Русскому журналу», ноябрь 2001 г. URL: http://esmn.ru/library/dugin/basics_evrazizm/46.htm
- [11] *Зуев С.* Культуры регионального развития. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2008/04/03/regiony.html>
- [12] *Капустин Б.Г.* Критика политической философии: Избранные эссе. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010.
- [13] *Культин Э.С.* Альтернативы российской модернизации, или реставрация Мэйдзи по-русски // Политические исследования. — 2009. — № 5.
- [14] *Малашенко А.* Кавказ устал от хаоса. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2009-11-17/11_kavkaz.html
- [15] *Малашенко А.* Современный ислам между политикой и традицией. Интервью с Алексеем Малашенко // Неприкосновенный запас. — 2002. — № 6(26). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/intmal.html>
- [16] *Мерсиянова И.В.* Социальная база российского гражданского общества // Общественные науки и современность. — 2009. — № 4.
- [17] *Мионов Б.Н.* Развитие гражданского общества в России в начале 19 — начале 20 века // Общественные науки и современность. — 2009. — № 1.
- [18] *Патрушев С.В.* Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Политические исследования. — 2009. — № 6.
- [19] *Почта Ю.М.* Проблема гражданского общества в мусульманском мире // Векторы посткризисного мира: новые модели публичной политики. Доклады и выступления. Международная научная конференция, посвященная 50-летию РУДН. Москва, 17—19 октября 2010 г. / Под ред. Ю.М. Почты, М.М. Мчедловой. — М.: РУДН, 2010.
- [20] *Сюкияйнен Л.* Российская власть и ислам // Отечественные записки. — 2003. — № 5 (14).
- [21] *Шабров О.Ф.* Государство в глобализирующемся мире: вызовы постмодерна // Векторы посткризисного мира: новые модели публичной политики / Под ред. Ю.М. Почты, М.М. Мчедловой. — М.: РУДН, 2010.
- [22] *Шевченко М.Л.* Способны ли мусульмане принимать участие в построении гражданского общества или являются его непримиримыми противниками? URL: http://www.niiss.ru/s_docl_shevchenko6.shtml
- [23] *Эмиров Э.Д.* Особенности формирования гражданского общества в республике Дагестан: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. — Махачкала, 2006.

- [24] *Yuriy Pochta*. Religion in Post-Secular Society: New Possibilities for Dialogue among Civilizations // *Philosophy in Times of Social Crisis. Integrity and Dialogue. Essays in Honor of George F. McLean*. — Sofia: Minerva Publishing House, 2010.
- [25] *Turner B.S.* Orientalism, Postmodernism and Globalism. — L. and N.Y.: Routledge, 1994.

THE PROBLEM OF FORMATION OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA

Y.M. Pochta, T.V. Oberemko

The Department of Comparative Politics
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the question of creation of civil society in the democratizing Russia after the demise of the Soviet Union. The author argues that the shrinking powers of the state and increasing degree of diversity of society requires transfer of functions of political governance to the structures of civil society. But the decision on the applicability of Western liberal democratic model of civil society for a multinational and multiconfessional Russia and the participation of government in this process demands much attention.

Key words: civil society, civilization, Russia, democracy, national sovereignty, the situation of postmodern.